

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ТРУДНО БЫТЬ ВОРОМ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Трудно быть вором

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Трудно быть вором / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Торговля ворованными собаками – не очень прибыльный бизнес, но иногда везет: «собакокрад» Шульгин обнаружил в кармашке ошейника похищенной им собаки ключ от банковской ячейки. Собака принадлежала какому-то профессору, явно не бедному человеку, так что можно поживиться. Наследники профессора готовы выкупить ключ за очень приличную сумму, но тут появляются какие-то подозрительные типы, тоже жаждущие получить денежки профессора. Вся эта криминальная кутерьма тянулась бы довольно долго, не вмешайся в дело два решительных полковника – Лев Гуров и Станислав Крячко...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Трудно быть вором

Глава 1

Окошечко за спиной водителя раздвинулось, и в кабину просунулась голова Темирхана. – Значит, так, водоплавающие, – мрачно сказал он. – Сейчас проедете еще с полкилометра и сворачиваете направо. Дорога там неприметная, смотрите не проскочите! Я скажу, где остановиться.

Гусев, сидевший за рулем, поймал в зеркале над головой отражение лица Темирхана – скуластая, отливающая синевой, плохо выбритая физиономия, недобрый тяжелый взгляд – и неопределенно хмыкнул. Он считал себя человеком с юмором, но обращение «водоплавающие» слегка напрягало его. Хотя основания для этой неуклюжей шутки имелись – так уж случилось, что они с дружкой носили схожие фамилии. Он – Гусев, дружок – Уткин. Это сочетание еще в детские годы привлекало доморощенных остряков. Они с дружкой реагировали на шутку по-разному, иногда посмеивались, иногда махали кулаками. Только что толку? Все равно они держались друг друга, и, пока были вместе, оставался неизменным и предмет для шуток. С годами Гусев научился смотреть на жизнь философски. К тому же он и сам любил пошутить. Другой вопрос, что с Темирханом ни шутить, ни отшучиваться не хотелось – уж больно мрачный тип оказался. И Шульгин, его напарник, был Темирхану под стать – молчит все время, и взгляд у него как у следователя. От такого взгляда по спине мурашки ползают. И это при том, что по самому Шульгину наверняка прокуратура плачет.

Гусев еще не видел остальной компании Темирхана, не знал даже, сколько всего человек на него работает, но был уверен, что весельчаков среди них не найдется. Каков поп, таков и приход. Глядишь, скоро и они с Уткиным станут ходить такие же угрюмые, не улыбочивые, и на каждом шагу на них будут подозрительно оглядываться. А такое вполне возможно, если они с Уткиным серьезно встрянут в этот бизнес. Может статься, что им тоже скоро будет не до шуток. И за примером далеко не надо ходить. Тот же Славка Тягунов, который сосватал Гусева на свое место. Он же это не от хорошей жизни сделал, не от широты природы, а потому, что в безвыходном положении оказался.

Чем занимается Тягунов, они с Уткиным примерно знали, но держали язык за зубами, потому что чужой бизнес – это святое. Славка знал, что на них можно положиться, как-никак вместе в одном дворе росли, и до поры до времени тайн друг от друга у них вообще не было. Потом, конечно, каждый пошел своей дорогой, но так уж выпало, что в один прекрасный день Славка попросил их его выручить, а они подумали и согласились. Почему бы и нет? Произошло это неделю назад, когда они с Уткиным навестили Тягунова в больнице.

На Славку, по правде говоря, было страшно смотреть. Вместо лица у него был сплошной черный кровоподтек, а из черноты выглядывали два красных, налитых кровью глаза. У него были сломаны обе ноги, рука и перебиты ребра. Говорил он с трудом и кашлял кровью. Врачи боялись, что у Славки отнимутся почки. Однако самого его заботило не это.

– Мужики, выручайте! В следующую пятницу, четвертого октября, мы одно дело провернуть собирались. А сами видите, какие у меня теперь дела, – прохрипел он. – Я Темирхану уже про вас сказал. Он, в принципе, не против. Ну, вы его видели – нормальный мужик. Один раз только с ним сгоняете. Баксов по двести на нос получите – они вам лишние, что ли? Риска практически никакого...

– А тебя кто же так отделал, если риска никакого? – заботливо спросил у него Гусев.

– Собачники и отделали, – буркнул Тягунов. – Но я сам виноват, нарисовался не в том месте и не в то время. Вам-то это не грозит. Вас никто не знает. И потом, тут совсем другой коленкор. Вам делать ничего не придется – баранку только крутить, ну и, может, еще чего попутно понадобится. Точно говорю – верное дело! Неужели бы я вас подставлять стал?

Гусев и Уткин озадаченно посмотрели друг на друга. Верное дело, о котором говорил Тягунов, означало кражу собаки. Именно этим занимался Темирхан, с которым водил компанию Славка, – торговал краденными породистыми собаками. Наверное, это действительно было выгодно, но, судя по физиономии приятеля, еще и опасно – собачники расправлялись с ворами беспощадно. Гусев знал, что вместе со Славкой в переделку попал еще один из команды Темирхана – парень по кличке Гудок. Про него вообще никто не говорил ни слова, и это заставляло предполагать худшее.

Однако ни Гусев, ни Уткин долго не раздумывали над неожиданным предложением. Тут многое сыграло роль – и сочувствие к пострадавшему приятелю, и двести баксов за одну поездку, и к тому же никаких других дел у обоих не было, а главное, на первый взгляд все это выглядело достаточно невинно. Если забыть про Славкины почки. Но Гусев почему-то был уверен, что до него собачники не доберутся, не успеют. У Темирхана временно нет водителя. Они с Уткиным просто оказались на подхвате. Одна поездка, и они разбегутся.

С Темирханом созвонились тем же вечером. Он долго не разговаривал – назначил встречу в каком-то малолюдном кафе и там ввел их с Уткиным в курс дела. Своей настороженности, а может быть, даже и неприязни к малознакомым ему людям Темирхан не скрывал и сразу предупредил:

– Рот держите на замке, понятно? Если вякнете кому хоть слово – будете выглядеть не лучше Славки. По правде говоря, не в моих это правилах – на посторонних надеяться, но Славка вас хвалил, сказал, что вы ребята надежные. А у меня заказ срочный на афганскую борзую. Через десять дней уже товар представить нужно. Совсем же дядю с улицы тоже не возьмешь. Но и вас предупреждаю категорически – у меня чтобы никакого баловства!

Темирхан так же мало походил на воспитателя детского сада, как и они с Уткиным – на воспитанников, и Гусеву показалось, что об этом было бы неплохо намекнуть сразу, но он так и не сделал этого, посчитав, что из-за одного дела не стоит обострять отношения.

Зато уж потом они с Уткиным отвязались на полную катушку, обсудив личность нового работодателя со всех сторон и придя к выводу, что он порядочная дубина. Странное дело, но за глаза это у них получалось совершенно замечательно. Темирхан на ближайшие дни стал излюбленной мишенью для шуточек и приобрел в их глазах репутацию едва ли не простофили, который за так раздает деньги. Наверное, так им было проще примириться с действительностью, потому что где-то в памяти обоих постоянно присутствовала изуродованная физиономия Славки Тягунова, да и криминальный характер дела, в котором они согласились участвовать, был им совершенно ясен. Но с последним пунктом тоже все было ясно обоим – они просто выручают старого приятеля и не собираются участвовать в сомнительных затеях вечно.

Потом они еще дважды встречались с Темирханом и Шульгиным – обкатывали машину и обговаривали детали предстоящей операции. Между собой они иронически называли ее «афганской операцией», имея в виду собачью породу. Машина оказалась новенькой «Газелью» – белым фургончиком с синей надписью «Доставка телевизоров». Внутри, однако, не было никаких телевизоров, а лежала разобранная на части стальная клетка – как объяснил Темирхан, она предназначалась для собак, которые впадают в буйство. Такие факты нечасто, но случались.

Они сделали пару поездок по предполагаемому маршруту – Темирхан хотел убедиться, что новый водитель не подведет. Кажется, он остался доволен, и в пятницу они собрались уже по-серьезному.

Начинался рассвет. Было прохладно и сыро. Лес по обе стороны дороги уже начинал желтеть – осень потихоньку вступала в свои права. Гусев внимательно смотрел на дорогу, чтобы не пропустить нужный поворот. Где-то здесь по золотистой березовой роще должен прогуливаться бедолага хозяин с собакой. Гусеву трудно было понять, что за удовольствие возиться с собакой, а тем более гулять с ней по сырому лесу ни свет ни заря. Это не укладывалось у него в голове, поэтому ему не было жаль чудака, которого они собирались ограбить. Сам бы Гусев испытал огромное облегчение, если бы его избавили от такого хлопотливого существа, которое нужно кормить, водить на прогулку и прививать от тысячи болезней.

– Так, стоп! – вдруг подал голос Темирхан. – Сдай на обочину, и еще раз все разложим по полочкам.

Гусев с Уткиным поморщились. Вся эта бодяга давно навязла у них в зубах, но Темирхан, похоже, обожал инструктировать и строить планы. Теперь он решил еще раз повторить обязанности и задачи каждого.

– Значит, так, – сказал Темирхан. – Профессор Звонарев каждое утро гуляет здесь со своей собакой по одному и тому же маршруту. Делает круг по березовой роще примерно с километр. При этом он, естественно, придерживается тропинки, а собака хаотически перемещается среди деревьев, однако хозяина надолго из поля зрения не выпускает. В принципе, увести ее большого труда не составляет, но профессор Звонарев – серьезная величина в науке. Не смотрите, что живет он не в престижном поселке, а в этой дыре. Он старик с причудами, но вес в обществе имеет солидный. Если мы на нем засыплемся, последствия будут тоже серьезные.

– А чем он занимается, этот профессор? – лениво спросил Гусев. – Ты нам так и не сказал.

– А тебе какая разница, чем он занимается? – разозлился Темирхан. – Ты не интервью пришел брать! Твое дело – правильно баранку вертеть. Да и не знаю я, чем он занимается! Физикой какой-то... Одним словом, действуем по хронометру. Старик повторяет свой маршрут как робот – отклонения возможны в пределах минуты, не больше. Мы вступим в дело, когда он будет в самой удаленной точке. В этот момент я прямо из машины делаю телефонный звонок. Старик всегда ходит при мобильнике. Я сообщаю ему, что его дочь попала в автомобильную аварию. Он, говорят, человек суровый, но дочь любит без памяти. Несомненно, он тут же поспешит домой. Ему будет не до собаки. В этот момент в дело вступает Шульгин. Он подманивает собаку, сажает ее на поводок и ведет в машину...

– А если она не пойдет? – легкомысленно спросил Уткин, заранее веселясь в душе, потому что ответ был ему известен.

Темирхан уничтожающе посмотрел на него и сказал с презрением:

– Повторяю для водоплавающих! Шульгин умеет подманить любую собаку. Он – профессионал. Здесь у нас проблем не будет. Даже если борзая поднимет лай, профессор вряд ли обратит внимание – он будет весь в мыслях о дочери...

– А не слишком круто – дочерью пугать? – спросил Гусев.

– У нас не школа бальных танцев! – отрезал Темирхан. – У нас суровый бизнес. Славку Тягунова вспомни. А старик потом кайф поймает – когда узнает, что дочь жива и здорова.

– Ладно, договорились, – сказал Гусев. – Берем собачку и выезжаем на Кольцевую – это я помню.

– Едешь аккуратно! – строго сказал Темирхан. – Утром с милицией попроще, но нам лишних проблем совсем не надо. До-едем до первой развязки, а там я скажу куда. Недалеко – километра два. Там собачку припрячем, и вы свободны.

– Так я одного не понял, – смущенно заметил Уткин, которого давно мучила одна проблема. – А моя-то роль в этой пьесе какая?

– Поймешь, когда вырастешь! – ответил Темирхан, но все-таки, секунду подумав, счел должным уточнить: – В нашей работе всякие неожиданности возможны. Вот ты и существуешь – на случай таких неожиданностей.

– Ясно, – сказал Уткин, успокаиваясь.

– А раз ясно – приступаем! – скомандовал Темирхан. – Дальше не едем. Нечего глаза в поселке мозолить. Лучше всего найди хорошее местечко где-нибудь за кустами, чтобы с дороги не видно было, но чтобы выезжать удобно было, и там встань. Ты, Владимир, иди потихоньку. Что делать, ты и сам знаешь, учить не нужно.

Хмурый Шульгин подхватил с сиденья небольшую сумку и молча вылез из фургона. Через минуту он скрылся за кустами. Гусев проводил его взглядом, вздохнул и принялся осматриваться, выискивая место, где можно было бы замаскировать машину.

Еще через пять минут они нашли удобное укрытие, встали и заглушили мотор. Темирхан посмотрел на часы и достал из внутреннего кармана мобильник.

– Да ведь у профессора на мобильнике номер останется! – сообразил Гусев, тыча в телефонную трубку пальцем. – Как же быть?

Темирхан посмотрел на него как на дебила и процедил сквозь зубы:

– Ты бы не лез поперек батьки в пекло, умник! Может, твоих мозгов хватит на то, чтобы догадаться, что это не мой мобильник?

– А-а, ну тогда понятно! – сказал Гусев.

– Ну и помолчи тогда! – сердито оборвал его Темирхан. – Не мешай работать!

«Ишь, работающий! – подумал с неудовольствием Гусев. – Прямо на Доску почета его вешай!»

Однако недоволен он был в первую очередь собой – мог бы и сам догадаться, что мобильник краденый, а теперь Темирхан будет держать его за полного кретина.

Впрочем, Темирхан уже забыл про Гусева. Лицо его сделалось предельно серьезным, и он, набрав номер, произнес в трубку почти трагическим тоном:

– Алло, профессор Звонарев? Кто? Из Склифа звонят. Только что дочь ваша поступила. В тяжелом состоянии. ДТП. Автомобильная авария, короче. Срочно приезжайте, в реанимации она. Всякое может случиться... Что?! Не понял!.. Отключился, черт!..

Темирхан поднял голову и озадаченно посмотрел на Гусева. А тот с тайным торжеством отметил про себя, что такой растерянной физиономии у Темирхана не было еще за все время их знакомства. Правда, Гусев тут же спохватился и выругал себя за это тайное злорадство. Растерянность Темирхана могла означать только одно – их операция дала сбой, а это было плохо для всех.

Между тем Темирхан резким движением сложил телефонную трубку и бросил ее в карман. Потом он толкнул заднюю дверцу фургона и выпрыгнул наружу. Гусев видел, как он зашел за деревья и тут же вернулся. Темирхан нервничал.

– Он чего? – спросил Уткин.

– Лажа какая-то, – пожал плечами Гусев. – Плакали наши с тобой бабки.

– Да ну? – поразился Уткин. – А я матери пообещал новый утюг купить. Старый у нее уже не греет.

– Плакал твой утюг, – безжалостно сказал Гусев.

– Да ну! Она и так уже мне все уши прожужжала, что до тридцати лет на шее у нее сижу, – жалобно заявил Уткин. – Хотел порадовать старуху.

Гусев хотел что-то ему сказать, но тут к машине подошел Темирхан и озабоченным тоном сообщил:

– Ты заведи на всякий случай мотор! И будь наготове.

– Что-то не так? – услужливо поинтересовался Гусев.

Темирхан мрачно посмотрел на него, но потом все-таки ответил:

– Профессор сегодня странный какой-то... Я ему про дочь, а он вроде хмыкнул так непонятно и говорит: «Ну, все до кучи, значит!» Это как понимать?

– Может, у него с утра неприятности? – предположил Гусев.

– У него – не знаю, а у нас, кажется, точно, – заключил Темирхан. – И Шульгин куда-то запропастился!

– Пойти поискать? – предложил Уткин.

– Сиди, не дергайся! – сказал Темирхан и вдруг приложил палец к губам. – Тихо! Идет вроде?

Действительно, совсем рядом послышались шелестящие шаги, треск веток, и вдруг из-за деревьев вынырнул Шульгин. Он был, как всегда, хмур и сосредоточен. Он вел на коротком поводке большую лохматую собаку с острой мордой. Ее длиннющая шерсть отливала серебристым блеском. Гусеву показалось, что в глазах собаки застыло недоумение.

Не говоря ни слова, Шульгин прошествовал к машине, что-то коротко скомандовал собаке и вместе с ней запрыгнул в фургон. Темирхан еще раз оглянулся по сторонам и тоже полез в фургон. Лязгнули дверцы. И только тут Шульгин сказал:

– Поехали!

Гусев аккуратно вывел машину из укрытия, перекатился через обочину и, наращивая скорость, погнал обратной дорогой, внимательно прислушиваясь к тому, что в это время говорилось у него за спиной.

– Как прошло? – спросил Темирхан. – Старика видел?

– Что я видел, я тебе потом расскажу, – угрюмо произнес Шульгин, выразительно покосившись в сторону кабины.

Темирхан поспешно задвинул стекло, но Шульгин больше не произнес ни слова. Гусев был в этом абсолютно уверен. В зеркале он видел, что Шульгин даже не смотрит на Темирхана, хотя тот был сильно встревожен.

«Что, черт возьми происходит? – подумал Гусев. – Они оба как будто с бодуна. Вроде псина у них, все тихо... С чего это их разобрало?»

Никто не собирался ничего ему объяснять. Только собака вдруг завyla – негромко, но с такой тоской и отчаянием, что у Гусева по спине побежали мурашки.

Глава 2

Сквозь рябь тронутой осенним золотом листвы проступил силуэт большого дома с покатою островерхой крышей, добротного, но даже издали казавшегося неуютным. Да и стоял он, можно сказать, на отшибе, достаточно далеко от поселка. Чтобы добраться отсюда до ближайшего магазина, пришлось бы не менее десяти минут шагать по узкой тропинке через березовую рощу. Правда, до дороги, хорошей, асфальтированной трассы, от дома было рукой подать. Для автомобилиста это наверняка было удобно, но полковник Гуров пока не знал, имел ли хозяин дома машину.

Гуров повернул руль и медленно подъехал к раскрытым воротам. Во дворе стояли машины со служебными номерами и суетились люди. Сидевший на заднем сиденье полковник Крячко, неизменный напарник и старый друг Гурова, наклонился к его плечу и разочарованно присвистнул.

– Одни незнакомые физиономии! – сказал он. – По-моему, я этих людей и не видел ни разу. И все молодые! Если дело пойдет так и дальше, то скоро мы с тобой, Лева, будем как эти, из фильма... Ну, там еще какие-то коридоры времени и два придурка, которые попали в будущее...

– Приятно, когда люди относятся к себе самокритично, – меланхолически заметил Гуров. – Однако меня прошу в придурки не записывать. Я еще не готов принять столь почетный титул... А незнакомые лица ты видишь потому, что здесь пока работают только местные. И прокуратура окружная, судя по номеру машины... Но, я думаю, нас с тобой это мало должно волновать.

– Я так вообще не волнуюсь, – заметил Крячко. – Академику, по-моему, за восемьдесят было? Возраст почтенный, а смертны даже и академики. По старой памяти людей науки у нас еще уважают, но все равно я не очень понимаю, зачем нас с тобой сюда послали.

– Разобраться, – сказал Гуров, останавливая машину у самых ворот. – Все мы смертны, но Звонарев некогда был засекречен до предела. Когда умирает такой человек, даже теперь возникают вопросы. И дело здесь не только в уважении.

Они с Крячко вышли из машины. Тут же к ним приблизился молодой человек в немного помятом темном костюме и представился следователем Петровым.

– Следственный отдел УВД округа, – пояснил он. – Меня предупредили, что вы приедете, Лев Иванович. В принципе, один ум хорошо, а два лучше. Честно говоря, я в некоторой растерянности. С одной стороны, вроде бы ничего особенного. Старый человек, сердце слабое, умер на прогулке... такие случаи сплошь и рядом. А с другой стороны, что-то меня во всем этом смущает – не пойму что. Может быть, вы разберетесь?

У Петрова были тусклые, зачесанные назад волосы и не очень здоровый, с каким-то молочным оттенком цвет лица. Возможно, это было просто проявлением усталости.

– Совместными усилиями разберемся, – заверил его Гуров. – Лишнего выдумывать не будем. А что, собственно, произошло?

В сопровождении Петрова они проследовали во двор. Двое в штатском беседовали с опрятной женщиной лет сорока пяти, но беседовали как-то лениво, видимо, уже удовлетворив все свое любопытство. Женщина привлекла внимание Гурова – ее интеллигентное и довольно красивое лицо было покрыто бледностью, а в глазах стояли слезы.

– Хозяйка? – спросил у Петрова Гуров.

Тот отрицательно покачал головой.

– Звонарев жил один, – сказал он. – Ну, если не считать собаки. Говорят, мизантроп был страшный. Ругался со всеми. А это его домработница или домоправительница – понимаете как знаете. Короче, порядок в доме поддерживала. Лидия Алексеевна Шмелева. Звонарев ей одной

доверял. Только когда все случилось, ее здесь не было. Она приходящая. Живет в поселке. К Звонареву она обычно приходит в десять утра, а в шестнадцать часов уже свободна. Вот и сегодня пришла к десяти, а в доме пусто – ни собаки, ни академика. Машина на месте. Ну, бабенка разволновалась, естественно. Побежала в рошу, где Звонарев собаку выгуливал. У него афганская борзая – прихотливая порода, продолжительные прогулки требуются и все такое... Ну, одним словом, в дальнем конце роши обнаружился труп. С женщиной истерика, конечно. Но милицию все-таки догадалась вызвать.

– А собака? – спросил Гуров. – Собака где?

– А собаки нет, – сказал Петров. – Меня это тоже насторожило. Лидия Алексеевна говорит, борзая у Звонарева четыре года. Он ее щенком взял – большие, кстати, отвалил деньги. Собака породистая – запросто украсть могли.

– Вопрос в том, как эта кража может быть связана со смертью, – заметил Гуров. – Тело уже отвезли?

Петров кивнул.

– У нас все в протоколе зафиксировано, – виновато сказал следователь. – Внешних признаков насилия никаких. Правда, место, где лежало тело... Одним словом, и Лидия Алексеевна там потопталась изрядно, да и наши ребята – не сказать чтобы аккуратно...

– Понятно, – перебил его Гуров. – Значит, свидетелей никаких?

– Пока глухо, – кивнул Петров. – Может быть, потом кто-то обнаружится. Но вряд ли – рано было, да и место это у местных жителей непопулярное. Поблизости более живописные уголки имеются. Все туда в основном ходят – по грибы, шашлыки, то-се... А здесь Звонарев со своей собакой гулял. Он, можно сказать, считал, что эта роща ему принадлежит. Постороннего мог и матом послать. Это Лидия Алексеевна нам сказала... Своенравный был человек.

– А чем он вообще занимался?

– Да кто же его знает? – пожал плечами Петров. – Физикой, говорят. Но вряд ли в пределах школьной программы, так что тут я ничего прояснить не могу.

– Ну, у нас в этом плане еще хуже, – скупо улыбнулся Гуров. – Пожалуй, придется побеседовать со специалистами.

– Зачем перегружать мозги? – вмешался Крячко. – Достаточно убедиться, что академик помер своей смертью.

– Хотелось бы, чтобы было так, – покачал головой Гуров. – Вот только собака меня смущает. Собаки – существа привязчивые. Вряд ли она сама решила сменить хозяина.

– Собаку никто не видел, – подтвердил Петров. – Факт настораживающий, это точно.

– Ну что же, по роще я сам пройдусь попозже, а пока еще разок побеседуем с этой симпатичной женщиной.

Несмотря на пережитое потрясение, Лидия Алексеевна отвечала на вопросы охотно и подробно. Правда, картину это все равно не прояснило, потому что Лидия Алексеевна прекрасно разбиралась в бытовых подробностях жизни Звонарева, но абсолютно ничего не могла сказать ни о его научной деятельности, ни о личных контактах.

– Вообще гости к нему редко приходили, – с некоторой обидой объяснила она. – Дочь иногда, знакомые какие-то... Но Федор Тимофеевич в этом отношении мне не доверял. Если он ждал кого-то, то заранее предупреждал, до которого часа я должна покинуть дом. Такой уж он был человек – не любил, когда ему через плечо заглядывают.

– Ну что же, такое желание очень понятно, – сказал Гуров. – Тем более человек творческий... А вот насчет собачки что скажете?

– Ну, к ней он меня вообще не допускал! – ответила Лидия Алексеевна. – Все сам. Даже расчесывал ее собственноручно, представляете? Самую большую комнату ей выделил. Говорил, что таким собакам простор более необходим, чем даже человеку. И при этом держался

с ней строго, не сюсюкался. На выставках она у него бывала, кажется, даже награды какие-то получала.

– Значит, с обществом собаководов был связан?

– А как же! По-моему, собака для него важнее всего на свете была. Конечно, наука само собой, но эта часть жизни Федора Тимофеевича вообще от меня скрыта была. Да и не понимаю я ничего в физике. Я по профессии филолог, учителем работала в старших классах, но из-за денег в домработницы подалась. Теперь вот опять на распутье. Но, главное, Федора Тимофеевича жалко. При всех своих недостатках он был очень порядочным человеком. Теперь такой тип человека редко встретишь. Если слово даст – сдержит обязательно, чего бы это ему ни стоило. Вы много таких людей знаете?

– Кое-кого знаем, – сдержанно ответил Гуров. – А не было у Звонарева никаких подозрений, что собаку у него хотят украсть?

– Украсть?! – Лидия Алексеевна уставилась на Гурова с искренним недоумением. – Да кому она здесь нужна? С ней хлопот не оберешься. Одна шерсть чего стоит!

– Ну, здесь-то, может, никому и не нужна, – заметил Гуров. – А в других местах очень даже нужна. Собаки-то нет!

– Правда, – согласилась Лидия Алексеевна. – Сама ничего не понимаю. Может, убежала?

– Сомневаюсь, – сказал Гуров. – Но что выросло, то выросло. Давайте мы с вашего позволения дом осмотрим. Копаться нигде не будем – так, окинем взглядом...

Лидия Алексеевна не возражала. Оба этажа осматривали довольно поверхностно, но все равно это заняло не меньше получаса. Ничего необыкновенного на глаза им не попало, но выяснилось, что кабинет академика заперт на замок, и замок этот без специалиста открыть нет никакой возможности.

– Да, рабочий кабинет Федор Тимофеевич запирает неукоснительно, – пояснила Шмелева. – Даже если в туалет выходил. Наверное, эта привычка у него с тех пор осталась, когда он засекречен был.

– Наверное, – согласился Гуров и тут же вопросительно посмотрел на Петрова: – Осмотр тела ведь проводили? Ключики у вас?

Петров замялся.

– Ключей при покойном никаких не было, Лев Иванович! – заявил он. – Тут я ошибиться не мог. Кроме носового платка, часов – дорогие, кстати, часы, – никаких вещей.

– Как никаких? – тут же заволновалась Лидия Алексеевна. – Быть этого не может! Все ключи Федор Тимофеевич всегда с собой носил. А еще записную книжку. А еще мобильный телефон.

Гуров снова посмотрел на Петрова. Бледное лицо того слегка покраснело.

– Клянусь, ничего не было! – сказал он.

– Та-ак! А вот это уже серьезно! – задумчиво проговорил Гуров.

В глазах Лидии Алексеевны мелькнула тревога.

– Серьезно? Что вы хотите сказать? Вы хотите сказать, что Федора Тимофеевича могли... – у нее перехватило дыхание, – убить?!

– Пока я только хочу сказать, что сами ключи исчезнуть не могут. Равно как и собака, и записная книжка, и мобильный телефон особенно. Мобильные телефоны сейчас в большой моде.

– Но ведь... милиция считает, что у Федора Тимофеевича случился сердечный приступ, – запинаясь, проговорила Лидия Алексеевна, беспомощно глядя на Петрова.

– Гм, а что, академик часто жаловался на сердце? – спросил Гуров. – В доме я как-то не заметил присутствия лекарств. Обычно у сердечников это сразу бросается в глаза. И потом, здесь, в доме, у академика оборудован прекрасный спортзал. У меня создалось впечатление...

– Да, Федор Тимофеевич, несмотря на возраст, занимался физкультурой! – согласно закивала головой женщина. – Не пил, не курил, зато обливался холодной водой и один час в день обязательно посвящал физическим упражнениям.

– Вот видите, – заметил Гуров. – Конечно, этот факт не исключает возможности сердечного приступа – все-таки возраст. Однако, принимая во внимание некоторые странности...

– Да, странности, – подхватил Петров. – До окончательного заключения экспертизы мы опечатаем дом, Лидия Алексеевна. Если факт насильственной смерти подтвердится, этим делом будет заниматься прокуратура.

– А дочь? Дочь известили? – вспомнил Гуров.

– В принципе, с ней попытались сразу же связаться, – объяснил Петров. – Но не получилось. Накануне она отъехала из Москвы, поскольку она какая-то важная шишка в так называемом пиар-агентстве, работает над имиджем всяких там политиков. Теперь вот отправилась в Волгоград – готовить к выборам тамошнего то ли мэра, то ли губернатора, – я в подробности не вдавался. В офисе мне ответили, что пока связаться с группой невозможно – они, мол, еще не прибыли на место...

– Связаться все равно придется, – сказал Гуров. – Куда же денешься? А до поселка тут недалеко, говорите?

– Да минут пять быстрым шагом, – махнула рукой Лидия Алексеевна. – Если напрямую, конечно. Я всегда через рошу хожу.

– Ну так если у следователя больше нет к вам вопросов, тогда вы свободны, – сказал Гуров. – Только захватите с собой моего товарища. И вам веселее будет, и он на ваше житье-бытье посмотрит, – добавил он с улыбкой. – А ты, Стас, расспроси там, не видел ли кто-нибудь в округе чужих людей – сегодня или вчера... А я, с вашего разрешения, прогуляюсь по роще, посмотрю. Может, свежим глазом увижу что-то такое, чего никто до сих пор не увидел.

Выспросив у Лидии Алексеевны примерный маршрут, которым обычно гулял по роще академик, Гуров отправился по его следам. Ему хотелось побыть в одиночестве и хорошенько подумать.

Следователь Петров не показался ему особенно прозорливым человеком, но одно он ухватил точно – что-то во всей этой истории было не так. При желании, конечно, любые факты можно было бы интерпретировать в пользу естественной смерти. Собака? Собака за свои поступки не отвечает, убежала, и все, а почему убежала – спроси ее! Не было у старика при себе ключей, записной книжки, мобильного? Еще проще – возраст, рассеянность. Тысячи людей теряют ключи от квартиры. Не в пользу версии ограбления и тот факт, что дорогие швейцарские часы остались на руке академика. И все же ситуация не казалась Гурову однозначной.

Он медленно шагал по тропинке, уже усыпанной желтыми листьями. По мягкой, чуть влажной земле он ступал практически беззвучно. До его слуха также не долетало ни звука, и только когда он дошел до места, где тропинка заворачивала влево, стал слышен слабый шум автомобилей на Кольцевой автодороге. До нее отсюда было не более трехсот метров.

Гурову стало интересно, возможно ли подъехать к роще со стороны Кольцевой, и он решил подойти к ней поближе. Место, где было обнаружено тело Звонарева, было совсем рядом, на следующем повороте тропинки, и распознать его не составляло никакого труда – следы присутствия нескольких человек были видны невооруженным глазом.

Гуров покачал головой и пошел дальше. Его окружали тихие березы, сквозь прозрачные кроны которых прорывалось нежаркое солнце. Но с некоторого момента Гурова стало преследовать неотступное чувство, что кроме него в роще еще кто-то есть – он чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

Это насторожило его. Гуров остановился и принялся внимательно осматриваться. Через минуту он наконец увидел то, что могло быть источником беспокойства, – метрах в сорока от него за густыми кустами боярышника обозначилась тень человека.

Гуров был уверен, что не ошибся, – за кустом кто-то прятался. Учитывая, что день сегодня выдался не самый благополучный, оставлять без внимания такое обстоятельство никак не следовало. Гуров, не раздумывая, свернул с тропинки и решительно зашагал туда, где прятался незнакомец.

Гуров не прошел еще и половины дистанции, как нервы у любителя прятков не выдержали. Он поднялся во весь рост, повернулся и независимой, но достаточно быстрой походкой пошел прочь.

Гуров не успел рассмотреть его лицо, но, судя по одежде, этот человек принадлежал к вольному племени бомжей. На нем было какое-то старенькое жеваное пальто, давно не глаженные брюки и вязаная шапочка, натянутая на уши. Вот только его телосложение и умение двигаться легко, по-спортивному никак не увязывалось с образом пропившегося, скитающегося по чужим углам горемыки. Поэтому Гурова чрезвычайно заинтересовал маскарад, который устроил здесь незнакомец. Он тоже прибавил шагу, а для верности еще и крикнул:

– Молодой человек, стойте! Нужно поговорить!

«Бомж» слегка повернул голову – Гуров увидел только настороженно блеснувший из-под натянутой на бровь шапки глаз – и как ни в чем не бывало продолжил движение.

– Да остановитесь же, черт возьми! – рассердился Гуров. – Что за игры?

Незнакомец перешел на легкий бег, и это было уже совсем подозрительно. К тому же Гурову не улыбалось проделывать сейчас кроссы по пересеченной местности. С утра он принял душ и облачился в новую, сверкающую белизной рубашку, чувствовал себя совершенно комфортно и не хотел обливаться потом в погоне за каким-то замурзанным типом.

– Остановитесь, милиция! – еще раз крикнул Гуров.

Это предупреждение подействовало на «бомжа», как допинг. Он окончательно перешел на бег и пропустил так, что только полы его старенького пальто засвистели. Гуров понял, что о комфорте можно забыть, и целиком сосредоточился на преследовании. Ему было непросто бежать за молодым и на удивление прытким парнем, но в какой-то момент он почти догнал его.

К этому времени они удалились от тропинки на порядочное расстояние. Деревья вокруг как будто помельчали, появился густой подлесок, нога то и дело проваливалась в какие-то замаскированные травой ямы.

И вдруг беглец исчез. Гуров по инерции пробежал еще несколько метров и остановился в растерянности. Только что перед ним маячила плотная фигура в дурацком пальтеце, трещала на бегу ветками – и вдруг она как сквозь землю провалилась. Ничего, кроме шелеста листьев и собственного тяжелого дыхания, Гуров не слышал. Он подозрительно вглядывался в заросли – «бомж» исчез так внезапно, что не было никаких сомнений – он где-то совсем рядом, затаился и ждет, что предпримет Гуров.

А Гуров вдруг сообразил, что в его правом кармане лежит мобильник и будет нелишним запросить у коллег подмоги. Правда, не зная номеров их телефонов, связаться он мог только с Крячко, который сейчас находился в поселке, но это все-таки было лучше, чем играть в прятки один на один с каким-то ряженым.

Гуров принялся нажимать кнопки, и в этот момент сбоку, из-за кустов, почти бесшумно выметнулась высокая жилистая фигура. Гуров резко обернулся. Мобильник полетел в траву. Звонить было уже некогда.

Гуров успел закрыться от первого удара и намеревался перейти в контратаку, но «бомж», от которого исходил смешанный аромат псины и дорогого дезодоранта, оказался гораздо проворнее. Он с легкостью ушел от выпада и провел сокрушительную серию из трех ударов, которые лавиной обрушились на голову Гурова. Полковник столкнулся с настоящим мастером своего дела. Навыков самообороны в пределах служебной программы здесь было явно недостаточно. У Гурова потемнело в глазах, и он в глубоком нокауте упал на мягкую, чуть влажную землю.

Когда он очнулся, рядом с ним никого не было. Легкий ветер пробежал по верхушкам деревьев. На расстоянии вытянутой руки от Гурова валялся раздавленный каблуком мобильник.

Гуров с трудом сел, осторожно потер ладонями гудящую голову.

– Шестой десяток разменял, а ума не нашёл, – пробормотал он. – Забыл про коллектив, все хотел решить сам. Вот и решил. Хорошо хоть зубы целы. Но зато уж и разозлил меня этот молодец – дальше некуда. Даст бог, еще посчитаемся...

Гуров поднялся и тяжело зашагал обратно к тропинке.

Глава 3

Фургон с надписью «Доставка телевизоров» остановился в промежутке между двумя девятиэтажными домами, под громадным рекламным плакатом, занимавшим целую стену и прославлявшим какой-то льготный телефонный тариф. Гусев такой чепухой не интересовался, у него даже мобильного не было – все никак не мог выкроить денег. Его больше интриговало, совсем ли глухая стена, на которую взгромоздили плакат, или кому-то в доме все-таки перекрыли свет и кислород?

Конечно, думать сейчас ему следовало бы совсем о другом, потому что вдвоем с Темирханом они приехали в этот район брать английского сеттера. Как объяснил Темирхан, дело это совершенно плевое, потому что сеттеры настолько доверчивы, что пойдут за любым идиотом, который почешет у них за ухом. Тем не менее он просил Гусева не расслабляться. Кроме самой собаки, на их пути существовало множество проблем, о которых следовало помнить каждую минуту, чтобы не засыпаться: любопытные соседи, запертые двери, бдительная милиция.

– Не на прогулку идем, – подытожил Темирхан. – Хотя, если все сделаем правильно, сложностей быть не должно. Это собака какого-то писателя. На него нас один человек вывел. Сегодня до обеда писателя дома не будет – поехал куда-то рукопись новую пристраивать. Мне сказали, что это точно полдня займет, а при удачном исходе дела писатель еще может и в кабаке завернуть. Но на это особенно рассчитывать нечего. Делаем все по-быстрому и отваливаем.

Он еще добавил, что навару с предприятия будет не слишком много, но на более серьезные варианты пока идти бессмысленно – Шульгин в отъезде, а он-то собак знает как никто. И еще Темирхан принес им с Уткиным гонорар за «афганскую операцию» – неожиданно по триста долларов на брата.

Гусеву было наплевать на всех собак мира и на Шульгина тоже. В речах Темирхана его заинтересовали только два момента. Один был приятный – деньги. Зато другой ему совсем не понравился – он больше не собирался красть собак, и предложение Темирхана насчет английского сеттера вызвало у него внутренний протест.

Правда, назвать это предложением язык бы не повернулся – по звучанию оно больше смахивало на приказ. Гусев попытался сразу расставить все точки над «i», заявив, что разговор шел только об одном разе, и то он тогда согласился только из уважения к другу Славке, и вообще у него другие планы. Темирхан терпеливо его выслушал, а потом категорично заявил:

– Ты от меня бабки получил? Получил. Даже больше, чем договаривались, верно? А ты понимаешь, что это означает? То, что ты состоишь со мной в преступном сговоре. Это тебе любой юрист объяснит, если мне не веришь. Обратного хода это деяние не имеет, а срока давности ждать тебе еще долго, поэтому завязывай ломаться – все равно ты теперь замаранный дальше некуда. У тебя один выход – слушать, что я тебе говорю. Все равно ведь как дерьмо в проруби болтаешься. Как пишут в газетах, рано или поздно ступишь на скользкую дорожку. Так уж лучше под моим руководством. Со мной не пропадешь.

Звучало это, по мнению Гусева, не слишком убедительно, но спорить с Темирханом ему не хотелось. Во-первых, действительно он был соучастником, а во-вторых, с Темирханом нельзя было просто спорить, ему нужно было давать суровый отпор, а вот на это у Гусева не хватало духу. В результате он согласился идти на новое дело, хотя мысленно ругал и себя и Темирхана последними словами. И еще ему все время хотелось выкинуть что-нибудь такое, от чего бы Темирхан понял – Гусев не его шестерка, он сам себе хозяин.

Особенно сильным это желание стало, когда по прибытии на место Темирхан неожиданно распорядился, чтобы Гусев шел с ним.

– Не понял, – сказал Гусев. – Я вроде водила? С какой радости я с тобой по чужим квартирам таскаться буду?

– Не с радости, а с нужды, – назидательно заявил Темирхан. – Нужда нас на это толкает. Мне тоже от этого радости мало. Так что ты со мной не спорь, а делай, что велят. Поздно уже спорить.

Гусев запер машину и поплелся за Темирханом. Код подъезда тот уже знал, и в дом они проникли безо всяких усилий. Писатель проживал на восьмом этаже, но Темирхан предпочел подняться наверх по лестнице. Шагал он пружинистым легким шагом и, хотя был гораздо старше, запыхался в отличие от своего спутника совсем мало. Гусев отметил это с невольной завистью. «Вот черт двужильный! – подумал он. – Спортом занимается, что ли? Надо бы и мне...»

Наверху Темирхан негромко попросил Гусева постоять этажом ниже и понаблюдать за лестницей.

– Негоже будет, если нас здесь вдвоем заметят, – сказал он. – Тут и одного-то меня много.

«На хрена же нужно было еще и меня брать?» – подумал Гусев, но тут же и сообразил – Темирхан просто опутывает его, как паук жертву. Втягивает в свою паутину – все глубже и глубже. И, наверное, не это вызывало у Гусева протест, просто он считал, что в таком случае Темирхан обязан держаться с ним уважительно. Темирхану же, по большому счету, было на него совершенно наплевать, и вот это-то больше всего и бесило Гусева.

Однако придержав эти мысли про себя, Гусев послушно отделился от напарника и спустился на один лестничный пролет. Следить он ни за чем не собирался. Во-первых, в доме было тихо – наверное, основная масса жильцов отправилась на работу, а во-вторых, Гусев считал, что стоять на стреме вообще глупо. По его мнению, таким образом можно было только привлечь к себе лишнее внимание. «Если уж ты грабитель, – подумал он со злорадством про Темирхана, – то забирайся в квартиру так, чтобы тебя не заметили». Это было не очень логично, но уж очень Гусев был зол на Темирхана.

Не прошло и двух минут, как вдруг на верхней ступеньке лестницы бесшумно возник сам Темирхан и коротко махнул Гусеву рукой. Тот быстро поднялся, и тут же Темирхан почти втолкнул его в чужую квартиру.

– Ничего не лапай! – шепнул он ему на ухо. – Пальцы где-нибудь оставишь – убью! Постой лучше где-нибудь в сторонке.

Для Гусева это было еще одним поводом убедиться, с какой целью Темирхан приволок его в эту квартиру. Тем более что в следующую секунду он заметил на руках своего спутника тонкие резиновые перчатки. Это сразу бросилось ему в глаза, когда Темирхан поднес палец к губам, призывая соблюдать тишину.

Затем он первым направился в комнаты. Гусев, нахмуренный и сердитый, неохотно последовал за ним.

Вообще-то ему было любопытно посмотреть, как живут писатели. Он никогда не встречал ни одного писателя. Он представлял их людьми необычными, почти сказочными персонажами и очень теперь удивился, когда оказалось, что ничем особенным место обитания такого необыкновенного человека не отличается – квартира как квартира. Большая, правда, но Гусеву приходилось видеть квартиры и побольше. К тому же в этой было не слишком чисто. Пожалуй, ее можно было назвать даже захлавленной. Судя по всему, писатель был человеком одиноким, потому что даже намек на женскую руку Гусев здесь не видел. Повсюду громоздились пирамиды книг, журналов, пачки исписанных листков, перехваченные бечевкой, и еще множество подобных вещей, бестолковых и пыльных.

Вдруг за дверью комнаты послышался грохот, царапанье лап о деревянную поверхность и короткий взволнованный лай, переходящий в жалобное скуление.

– Вот он, милый! – пробормотал Темирхан, и его суровое лицо расплылось в неожиданной улыбке. – Сейчас мы тебя освободим.

Он мигом достал из кармана кожаный ошейник с поводком и распахнул дверь. Прямо на них вылетел вислоухий пес. Шерсть у него была белая, с черными пятнами на груди и на морде. Присутствие незнакомых людей нисколько, казалось, его не обескуражило. Он с разгона прыгнул в объятия Темирхана и горячо лизнул его в нос.

– Красавец! – восхитился тот, ловко застегивая ошейник на лохматой шее пса. – Заперли тебя? Сейчас! Сейчас мы с тобой гулять пойдем!

Сеттер, услышав знакомое и, несомненно, любимое слово, пришел в неопиcуемый восторг. Он подпрыгнул и прямо с поводком на шее помчался по комнатам, совершая то ли круг почета, то ли ритуальный танец. Квартира наполнилась топотом и звоном.

– Ах, зараза! – озабоченно пробормотал Темирхан. – Как же я его не удержал? Лови теперь...

Он неодобрительно покачал головой и ушел на кухню ловить разыгравшуюся собаку. Гусев из любопытства сунул нос в комнату, откуда собака только что появилась. Это оказался рабочий кабинет. Здесь все выглядело иначе – строгие полки с книгами вдоль стен, золотистые шторы на окне и большой письменный стол, на котором не было ни пылинки, но зато стоял включенный компьютер.

Гусев не разбирался в современной технике, но некоторое представление о том, как печатать на компьютере, все-таки имел. На синем экране пестрели буквы уже набранного текста. Гусев не стал вчитываться – быт писателя его еще мог заинтересовать, а вот уж писанина – никак. Зато ему страшно захотелось оставить рядом с написанным текстом свой автограф – наверное, подобный инстинкт подталкивает человека под руку, заставляя писать на заборах что-нибудь вроде: «Здесь был Гриша». А еще этим самым он хотел доказать, что не так уж сильно зависит от Темирхана и может делать, что нравится. Правда, ему совсем не хотелось, чтобы Темирхан узнал о его самостоятельности, но все равно отказать себе в удовольствии Гусев не мог. Сдержанно ухмыляясь, он приблизился к столу и наспех нащелкал на клавиатуре послание, которое показалось ему весьма забавным: «Извини, хозяин, но я от тебя ухожу туда, где настоящую собачью еду дают. С приветом, Бобик». Имени собаки он не знал, поэтому и вставил классического Бобика, но у него не было сомнений – хозяин поймет, о чем идет речь.

Гусев едва успел отойти от стола, как вернулся Темирхан. Пес уже был на поводке, вилял хвостом и преданно заглядывал Темирхану в глаза, от души радуясь незапланированной прогулке.

– Что ты тут толчешься? – раздраженным шепотом спросил Темирхан. – Быстро уходим!

Он подозрительно посмотрел на Гусева и добавил с сомнением:

– Ты ничего здесь не спер? Смотри у меня – руки пообрываю!

– Ты что?! – с негодованием воскликнул Гусев. – Да я ни к чему даже не прикасался.

Он сохранял серьезную мину, но внутри его душил смех. Он представил себе, какую истерику устроил бы Темирхан, если бы ему пришлось в голову прочесть, что написано на мониторе компьютера. Он на редкость серьезно относился к своему занятию, а Гусеву представлялось, что воровать собак и относиться к этому делу без юмора совершенно невозможно. Если бы, например, сейчас старые приятели Гусева вдруг узнали, в какую аферу он влез, то они животики бы надорвали от смеха. Санька Гусев крадет собак – такое даже во сне не приснится!

– Ну тогда пошли! – приказал Темирхан. – Ступай за мной и ничего не трогай!

Гусев торопливо кивнул и послушно двинулся вслед за Темирханом, но у порога еще раз с некоторым испугом оглянулся на компьютер. Последнее замечание Темирхана слегка озадачило его и смутило. О том, что ему не следует касаться в квартире никаких предметов, Гусев, по правде говоря, забыл. Но исправить содеянное он уже не мог. Не было ни времени, ни желания. Да и шутка уже не казалась ему смешной.

Он тихо вышел за Темирханом на лестничную клетку.

– В лифт и заводи тачку! – едва слышно сказал ему Темирхан.

Сам он стал спускаться по лестнице. Симпатыга-пес весело трусил рядом, будто знал Темирхана всю свою собачью жизнь.

«А еще говорят, предан как собака! – подумал Гусев, нажимая на кнопку лифта. – А этот с первым жуликом отвалил и даже глазом не повел. На месте хозяина я бы не расстраивался за такую сволочь».

Такая мысль показалась Гусеву абсолютно правильной, но, спускаясь в лифте, он все-таки радовался, что с чужой собакой идет сейчас не он, а Темирхан. В глубине души Гусев догадывался, что хозяин собаки имеет на этот счет другое мнение.

На улице он оказался, разумеется, раньше Темирхана и, не задерживаясь, направился к машине. Когда он уселся за руль и завел мотор, из подъезда вышел Темирхан. Он шел неторопливо и с достоинством. Со стороны, ни дать ни взять, добропорядочный гражданин, вышедший на прогулку с горячо любимой собакой. Псу он тоже, похоже, нравился, несмотря на то что Темирхан решительно пресек его попытку немедленно заняться обнюхиванием близлежащих цветочных клумб. Несмотря на кажущуюся неторопливость, Темирхан решительно двигался в сторону фургона и вел пса напрямиком в неволю.

Через минуту он откинул заднюю дверцу и предложил псу занять место пассажира. Видимо, пес был несколько разочарован таким оборотом дела и слегка заартачился. Произошла заминка.

И в этот самый момент к дому подкатила миниатюрная, красного цвета «Ока», из которой вышел молодежавый подтянутый человек в замшевой куртке и голубых джинсах. Он хлопнул дверцей, оглянулся по сторонам и вдруг замер, как будто громом пораженный.

Гусев занервничал, потому что ему показалось, что человек смотрит ему прямо в глаза. Это было, конечно, не так – слишком далеко он стоял, чтобы рассмотреть за ветровым стеклом такую мелочь, как глаза. На самом деле человек смотрел на машину, а вернее, на Темирхана, который уговаривал пса занять свое место. Усилия Темирхана едва не увенчались успехом, но как раз в это время человек в замшевой куртке крикнул – сначала неуверенно, а потом во весь голос:

– Дикки! Дик! Ко мне!..

Гусев услышал, как ликующе тьякнул пес и злобно выматерился Темирхан. А уже в следующую секунду освобожденный сеттер мчался прочь от фургона, распластав по ветру белые уши. Расстояние от одной машины до другой он перемахнул, казалось, единственным прыжком, после чего бросился в объятия хозяина с таким преданным и восторженным видом, будто это не он собирался только что уехать в неизвестном направлении с двумя подозрительными типами.

– Чего варезку открыл?! – рявкнул над ухом Гусева Темирхан. – Валим отсюда! Ах, сукин сын!.. Принесла его нелегкая! Ну что бы минутой позже? Да газуй же ты, падла! Он же сейчас такой хай поднимет – я писателей знаю, все как один сволочи!..

Гусев и сам уже хотел поскорее убраться отсюда куда-нибудь подальше. Лихорадочно крутя баранку, он развернул фургон на сто восемьдесят градусов и рванул со двора. Думал он в эту минуту не о последствиях – просто было неудобно находиться на глазах человека, которого они только что чуть не обокрали.

Однако вскоре выяснилось, что проблема не только в этом. Едва выскочили на широкую магистраль и покатали к центру, как вдруг позади в потоке машин возникло назойливое красное пятнышко, в котором Гусев без особых усилий узнал только что виденную «Оку». Яростно петляя среди солидных иномарок, этот почти игрушечный автомобильчик неуклонно приближался. Он будто направлялся неким автопилотом, ориентированным исключительно на фургон с надписью «Доставка телевизоров». Видимо, писатель оказался настолько поражен случившимся, что не желал удовлетвориться возвращением четвероногого друга. Он жаждал крови.

Гусев и Темирхан, занятые в первые минуты выяснением отношений, прозевали погоню. Раздосадованный Темирхан обвинил в провале операции исключительно одного Гусева – якобы он долго чесался, заводя машину. Гусев, пораженный несправедливостью обвинения, вышел из себя и, забыв об осторожности, выложил Темирхану все, что он о нем думает. По его мнению, человеку с такими тормозными реакциями, как у Темирхана, следовало бы воровать не собак, а черепах. Темирхан был так взбешен, что у него даже губы побелели. Неизвестно, чем бы все это кончилось, но тут они оба заметили у себя на хвосте красную «Оку».

– Отрывайся! – прошипел Темирхан, вцепляясь Гусеву в плечо железной пятерней. – Что хочешь делай, но отрывайся!

Гусев дернул плечом и раздраженно сказал:

– Куда я буду отрываться на этом корыте? Впереди гаишник стоит. Свистнет один раз – и мы сто пудов погорели. До поворота доехать надо, а там посмотрим.

– Смотреть нечего! – жестко сказал Темирхан. – Хоть сдохни, а оторвись! Водила ты или нет? Нам сейчас разборки не с руки, не тот случай.

– Они всегда не с руки, – заметил на это Гусев. – Только хочу заметить, что номер наш этот писарь давно уже нарисовал...

– Плевать! – презрительно сказал Темирхан. – Номера фальшивые.

Гусев дернул головой и возмутился:

– Это я, значит, с фальшивыми номерами катаюсь, а ты даже не удосужился меня об этом предупредить?!

– А какая тебе разница? Номера не твоя забота. Твое дело рулить правильно. Об остальном я сам позабочусь.

– Да эту тачку в два счета найдут! – продолжал возмущаться Гусев. – Уйдем мы сейчас или нет. Завтра же на первом перекрестке задержат.

– Не задержат, – убежденно сказал Темирхан. – Тачка не наша. Хозяин в запое. Раньше чем через неделю не очухается. А там ищи виноватого... Фургон – в гараж, номера родные поставим, и адью! Понял теперь?

– Теперь понял, – кивнул Гусев, припадая к рулю. – Тогда держись, сворачиваем.

Он зорко окинул взглядом приближающийся перекресток, и в тот момент, когда поток машин стал замедлять ход на желтый свет светофора, неожиданно вырвался из своего ряда, цапнул колесами бордюр и резко повернул вправо. Вслед ему понеслись панические гудки возмущенных водителей и матерная брань. Не обращая ни на что внимания, Гусев прибавил газу и, опередив в последнюю секунду рванувшиеся ему наперерез автомобили, полетел вниз по улице.

Чтобы предупредить возможные осложнения, на следующем перекрестке он еще раз свернул, въехал в первый попавшийся двор, проскочил его насквозь и наконец остановился в каком-то тихом переулке. Напротив поблескивала витрина маленького книжного магазинчика. Чуть подальше виднелась мрачноватая вывеска стоматологической поликлиники. Коротко стриженная дама с крошечной собакой на поводке, величественно проходя мимо, равнодушно посмотрела на фургон и зашла во двор.

– Уф! – сказал Темирхан. – А ты, оказывается, ас, водоплавающий! Как тебя, кстати, зовут, все время забываю?

– Александр! – буркнул уязвленный Гусев.

Он старательно делал сердитый вид, однако ему было приятно, что Темирхан назвал его асом. Вот только одна подспудная мысль портила ему настроение – что будет дальше? Он так и спросил Темирхана:

– Дальше-то что?

– Что-нибудь придумаем, – сказал Темирхан. – Главное, что мы оторвались. А ты рискованный парень! Сам говорил про гаишников, а сам такие номера откальываешь!

– Перекресток чистый был, – сурово сказал Гусев. – Я посмотрел.

– Ну, будем надеяться, что писатель на своей божьей коровке на такое не решился, – заметил Темирхан. – А мы дальше поедem в один гараж, где спокойно поменяем номера, и отгоним тачку туда, где она должна стоять. Но это уже ближе к вечеру, чтобы глаза не мозолить. А пока поехали потихоньку. В принципе, тут недалеко... Да, жаль, что так получилось! Зря съездили. Теперь вот с заказчиком объясняться – я ему железно сеттера обещал.

Они проехали несколько кварталов, прежде чем Гусев решился задать еще один вопрос, который давно его тревожил. Ему показалось, что момент для этого выдался подходящий.

– Темирхан, а почему Шульгин не пошел? Уехал куда-то, хотя вроде не собирался... Что случилось?

Темирхан сердито дернул щекой.

– Ничего не случилось! – сказал он. – С чего ты взял?

– Ну да, не случилось! Я же помню, как он в прошлый раз тебе сказал, что видел чего-то в лесу. Когда с профессором...

– Ты вот что, Саня! – сдержанно, но с затаенной угрозой в голосе сказал Темирхан. – Ты, знаешь, чердак себе всякой чепухой не забивай! Что слышал, что видел – забудь! Знаешь небось пословицу: «Меньше знаешь – крепче спишь»? Ну вот... А когда хорошо спишь, то и живешь, кстати, дольше... А насчет профессора ты лучше вообще забудь. Не было в твоей биографии такого! Запомнил?

– То запомни, то забудь! – проворчал Гусев. – С вашими делами точно крыша поедет.

– Какие твои дела? – хмуро сказал Темирхан. – Баранку крутить да язык за зубами держать – вот и все твои дела. Об остальном я сам позабочусь.

Глава 4

Огни поселка стали хорошо видны уже в конце дороги. Они сияли сквозь негустую листву рощи, создавая впечатление, будто впереди начинается большой город, с широкими улицами, магазинами и бесконечным потоком машин. Однако за все время, пока Гуров с Крячко ехали по дороге, ведущей в поселок, навстречу им не попало ни одной машины.

– На электричестве здесь не экономят, – с удовлетворением заметил Крячко. – Это хорошо. Темнота на улицах способствует росту преступности.

– Зато там, где жил академик, кромешная тьма, – сказал Гуров. – По твоей теории, там должно твориться вообще черт знает что.

– Это не моя теория, – ответил Крячко. – Это статистика. А насчет академика ты сам придумал. Ты же первый уверен, что с его делом творится что-то не то.

– Это верно, – сказал Гуров. – Но если бы тебе так настучали по кумполу, ты бы думал точно так же.

– А я и думаю, – подтвердил Крячко. – Иначе бы я с тобой не поехал. По ночам спать нужно.

Гуров был согласен, что по ночам нужно спать, но сегодняшняя ночь была для него особенной. Интуиция подсказывала, что странные обстоятельства, связанные со смертью академика Звонарева, еще далеко не кончились и будет непростительно пропустить появление новых. Ради этого он не только решил пожертвовать сном, но и взял на себя смелость пойти против воли руководства, потому что у генерала Орлова, начальника главка, сформировалась несколько иная точка зрения на события.

Конечно, он тоже был расстроен фактом нападения на одного из лучших оперативников, но исключительного значения этому факту не придавал.

– Ты пойми простую вещь, – убеждал Орлов Гурова. – Сейчас повсюду развелось множество деклассированных элементов – к сожалению, конечно. Но это реальность, и ты сам лучше меня это знаешь. Ничего удивительного, что возле богатого дома отирался какой-то бомж. Небось прикидывал, как бы поудобнее махнуть через забор, а тут ты помешал. Ну и выиграло в нем... Люди-то разные бывают. За нападение на милиционера, да еще на полковника, его бы следовало, конечно, припечь хорошенько, но, видимо, птичка улетела. Придется с этим смириться, хотя я понимаю, как тебе должно быть обидно...

– Мои обиды тут совершенно ни при чем, – возразил Гуров. – Просто я не верю в такие совпадения. Совпадения, как правило, тщательно готовятся. А здесь их накопилось чересчур много. Внезапная смерть человека, который вроде бы на тот свет пока не собирался. Собака его пропала, телефон, записная книжка, ключи... Подозрительные типы какие-то в роще... По-моему, достаточно оснований, чтобы пристально ко всему присмотреться.

– Вот и присматривайся, – не возражал Орлов. – Но сначала дождись результатов вскрытия. Может быть, смерть эта никакой криминальной подоплеки под собой и не имеет.

– Смерть, возможно, и не имеет. А вот сопутствующие ей обстоятельства...

Генерал, однако, про обстоятельства слушать не захотел, призывая Гурова быть реалистом. Собственно говоря, он почти дословно повторил те самые возможные возражения, которые Гуров заранее мысленно смоделировал. И еще он напомнил, что прокуратура пока что отказала в возбуждении уголовного дела – до выяснения причин смерти, а стало быть, повода для проведения оперативно-розыскных мероприятий не имелось.

– Время теряем, – возразил на это Гуров. – Попомни мои слова!

– А какое время тебе, собственно, нужно? – не сдавался Орлов. – У тебя, собственно, какая-нибудь версия имеется? Нету? Тогда о чем разговор? А размышлять потихоньку – на это время всегда найдется.

Гуров уже не стал говорить, что одними размышлениями сыт не будешь, но мысль эта запала ему в душу крепко. Версия, еще очень туманная и нечеткая, у него все-таки оформилась, но, по его мнению, проверить и дополнить ее можно было только активными действиями, на которые, строго говоря, генерал разрешения ему не давал. Но в то же время и не запрещал. Во всяком случае, Гуров решил считать, что дело обстоит именно таким образом.

Потому-то он и предложил Крячко совершить ночную вылазку к дому академика Звонарева. Крячко был другом и понимал Гурова с полуслова, поэтому ему не нужно было предъявлять полноценную версию, снабженную обоснованиями и доказательствами. Гуров просто объяснил вкратце, что он чувствует, и этого оказалось достаточно.

– Понимаешь, что меня смущает, – сказал он Крячко. – Если это просто смерть пожилого человека, тогда при чем тут пропавшие ключи, телефон, записная книжка? Не верю я, что академик сам это все где-то посеял. По всем свидетельствам, человек он был педантичный и до последнего дня сохранял завидную ясность ума. И потом, собаку он что, тоже посеял?

– Ну, собака-то в этот ряд как-то не вписывается, – покачал головой Крячко.

– Согласен. Но мы не все знаем. А вообще, пропало то, что так или иначе имеет отношение к хранению информации. Еще раз обращаю внимание на тот факт, что дорогие часы с руки академика не сняли. Не заметить их было невозможно. Значит, это не ограбление в полном смысле этого слова. Самое ценное, чем может обладать ученый, – это информация. Вот чем, по-моему, интересовались те, кто оказался возле трупа Звонарева раньше других. А мы теперь знаем, что интересоваться было чем...

Действительно, уже на следующий день Гуров, проявив исключительную настойчивость, сумел встретиться с двумя весьма занятыми людьми – занимались они теоретической физикой, в которой сам Гуров ничего не понимал. Но это его не смущало, потому что разговор шел не о физике, а о личности академика Звонарева. Из беседы с учеными Гуров выяснил немало интересного. Оказалось, что в былое время академик Звонарев вплотную занимался проблемами так называемой «холодной термоядерной реакции» и как будто бы продвинулся на этом пути довольно далеко. Однако тут произошли события, которые кардинально изменили не только жизнь каждого отдельного человека, но и огромной страны в целом. Советский Союз распался, рухнули многие привычные институты, и даже наука, которой в стране привыкли гордиться, оказалась в загоне. Звонарев был потрясен переменами. Его непростой характер сделался уж совершенно невыносимым. Он переругался со всеми коллегами, со всем руководством и даже с людьми из правительства. После чего отошел от дел и заперся у себя в загородном доме, сведя контакты до минимума.

– Говорят, что все свои теоретические наработки он забрал с собой, – объяснил Гуров Крячко. – Все расчеты, все, что касалось его экспериментов. То есть теперь его работы как бы не существует в природе. Так он отомстил за крушение своих идеалов, казавшихся неизблевыми.

– Кому отомстил?

– Всем. Говорят, Звонарев заявлял об этом публично, что все граждане, не поднявшиеся против развала Союза на баррикады, являются предателями. Вот такой максималист был наш Федор Тимофеевич. Правда, в среде его коллег существует мнение, что проблема «холодного синтеза» неразрешима и Звонарев ничего на этом пути не добился. Отсюда и его мизантропия. Но, поскольку вокруг отшельника и мизантропа возникает такая возня, у нас есть основания думать, что кое-что Звонареву решить все-таки удалось.

– Значит, ты полагаешь, что бомж, который тебе навешал, может испытывать интерес к теоретической физике?

– Про физику не скажу, но в боксе он разбирается на уровне заслуженного мастера спорта, – сказал Гуров. – Генерал счел это не слишком убедительным доводом, но, по-моему,

для бомжей не характерны такая прекрасная спортивная форма и такой плотный удар. Профессиональная работа чувствуется сразу.

Крячко согласился, что Гурову в этом плане виднее, и решил, что одна ночная прогулка им не повредит. Он только высказал опасение, не придется ли им на месте столкнуться сразу с несколькими профессионалами, которые следят за своей спортивной формой.

– Мы будем аккуратны, – подумав, ответил Гуров.

Он и в самом деле хотел проделать все без излишнего шума, по возможности не привлекая к себе внимания. Ради этого он решил оставить машину в поселке и к дому академика подойти незаметно, пешим ходом.

Машину они оставили возле опорного пункта правопорядка, который оказался заперт на глухой замок и производил впечатление места, куда уже давно не ступала нога человека. Гуров был слегка разочарован – он все-таки надеялся, что в случае непредвиденных осложнений сможет рассчитывать на помощь местных коллег.

– Не уверен, что сейчас нам с тобой вообще может кто-то помочь, – утешил его Крячко. – В таких делах можно полагаться только на самих себя. Ночная специфика, так сказать.

Гурову в его тоне что-то показалось подозрительным, но он не стал ничего выяснять сразу. Только когда они вдвоем вышли за пределы поселка и углубились в черную, наполненную тенями и шорохами рощу, Гуров негромко поинтересовался:

– Так что ты там имел в виду под ночной спецификой?

Крячко смущенно почесал нос и признался:

– Лева, ты же знаешь, что я некоторые твои мысли чувствую на расстоянии. Вот, например, вчера я сразу почувствовал, что тебе захочется сюда вернуться. А потому на всякий случай поднял шпингалет на одном окне в столовой у Звонарева. Согласись, это очень удобно, когда двери опечатаны.

– Ты, Стас, поймал чьи-то посторонние мысли, – проворчал Гуров. – О проникновении в дом я не думал.

– Да ну? – огорчился Крячко. – А вот я подумал об этом с самого начала. Когда понял, что образовалась головоломка.

– Это не наш метод, – покачал головой Гуров. – В любом случае такие эксперименты прокуратурой не одобряются и судом не рассматриваются. Забудь про свой шпингалет.

– Как прикажешь, – вздохнул Крячко. – Но если что – обращайся. Я постараюсь вспомнить.

Они шли тропинкой, которой ежедневно ходила Лидия Алексеевна Шмелева и по которой выбирался изредка в поселок сам академик. По словам Лидии Алексеевны, на весь путь быстрым шагом уходило не больше пяти минут, но Гуров с Крячко не торопились и одолели маршрут за восемь. Видимо, они все-таки немного сбились с дороги, потому что темная громада забора вывалилась на них из темноты совершенно внезапно – точно злой волшебник намеренно перегородил им путь.

– Забор! – обрадовался Крячко. – Значит, пришли все-таки. А я уж боялся, что мы потерялись в этом дремучем лесу. Ну что, сразу махнем на ту сторону?

Гуров предостерегающе сжал его локоть и прислушался. Темнота была наполнена таинственными шорохами и шелестом листьев. Собственно говоря, ничего особенно таинственного в этих звуках не было, и Гуров подумал, не слишком ли безоглядно он положился на свою интуицию. Все-таки он предпочитал полагаться в расследовании на факты, но их-то как раз у него и не было. Если с фактами дело и дальше будет обстоять таким образом, то практически ночную вылазку можно было бы прямо сейчас и заканчивать.

– Что-нибудь слышно? – спросил Крячко.

– То же, что и тебе, – сердито сказал Гуров. – Давай-ка поищем, где здесь ворота.

– Ворота тоже опечатаны, – поспешил напомнить Крячко.

– Я же сказал, что внутрь мы не полезем, – отрезал Гуров. – Да и что нам там делать? Нам главное убедиться, что никто другой об этом не думает.

– Это непродуктивно, Лева... – начал Крячко.

Гуров опять сжал его локоть, и они молча стали обходить забор. Хотя это сооружение было сделано не по-современному – всего лишь из досок, – оно отличалось довольно приличной высотой. Перебраться через такой забор было не самым простым делом. Зато в нем имелись многочисленные щели, через которые был виден двор. Вернее, он был бы виден, если бы на его территории горел хотя бы один фонарь. Сегодня об этом просто некому было позаботиться.

Однако в какой-то момент Гурову показалось, что он увидел мелькнувший в окне дома слабый огонек. Он остановился и прикинул глазом к щели между досками. Что это было? Обман зрения? Отсвет звезд в оконном стекле? Светлячок?

Сезон светляков явно прошел. Да и звезды в эту ночь нельзя сказать чтобы сильно сверкали. Оставалась иллюзия. Хотя Гуров прежде не замечал за собой склонности к таким вещам, он был готов допустить, что свет в окне ему померещился, но тут вдруг Крячко, который разглядывал дом через щель по соседству, возбужденно прошептал:

– Лева! Я вижу фонарь! Ей-богу! Там по дому кто-то шляется! Или привидение, или твои бомжи, любители теоретической физики. Голову даю на отсечение, что это они!

– А тебе не померещилось? – недовольно спросил Гуров, который хотя и надеялся найти здесь факты, но сейчас почему-то испытывал смутное беспокойство.

– Мне никогда ничего не мерещится! – гордо прошептал Крячко. – Даже в пионерском лагере...

Гуров не стал слушать, что происходило с Крячко в пионерском лагере.

– Значит, так, – сказал он. – Сейчас подсади меня. Я сам посмотрю, что там такое.

– А я? – разочарованно спросил Крячко.

– Перебирайся как знаешь, – заявил Гуров. – А еще лучше, если ты останешься снаружи. Будешь контролировать периметр.

Крячко помог Гурову взобраться на забор. Тот спрыгнул вниз и еще раз внимательно осмотрел двор. «А что, если собаку ликвидировали только лишь затем, чтобы ночью не подняла лай? – вдруг пришло ему в голову. – Если изначально была такая идея – осмотреть дом, то это вполне возможно».

Он оглянулся. Вдоль забора удалялись едва слышные шаги – это Крячко контролировал периметр. Гуров с сомнением посмотрел на островерхую тень дома перед собой и осторожно пошел вперед, стараясь ступать как можно тише. Он все еще до конца не верил в присутствие поблизости незваных гостей, но осторожность все равно соблюдал. В конце концов, он тоже был сейчас незванным гостем.

Двор был большой, а Гуров шел медленно и преодолел его минуты за две. За это время никаких неожиданностей не случилось. Окна оставались темными, и больше ничего за ними не мелькало. Гурову подумалось, что для всех было бы лучше, если бы призрачный огонек им с Крячко на самом деле померещился, хотя лично для него это было бы большим разочарованием.

Но едва он об этом подумал, как на втором этаже дома снова мелькнул огонек. Это продолжалось всего лишь краткое мгновение, но теперь Гуров был уверен – ошибиться он не мог. Ни о каких иллюзиях и галлюцинациях даже и речи не было. Огонек был неяркий, но самый настоящий, относящийся к творениям рук человеческих, а стало быть, в доме действительно кто-то находился. Кстати, и кабинет академика располагался именно на втором этаже.

Гуров сразу же забыл о том, что собирался всего лишь понаблюдать за домом и ни во что не вмешиваться. Интуиция не подвела его и на этот раз, и было бы черной неблагодарностью не воспользоваться предоставленным шансом.

Проблема была в том, что Гуров не знал, над каким окном поработал Крячко. Тыкаться во все окна подряд было опасно – его могли заметить или услышать из дома. Гуров оглянулся, пожалев о том, что велел Крячко оставаться снаружи. Связаться с другом именно сейчас было сложно. Приходилось надеяться на собственные силы.

Гуров подумал, что может использовать путь, которым вошли в дом незнакомцы. Правда, сначала нужно было отыскать этот путь. Гуров, действуя еще осторожнее, проверил входную дверь. Как он и ожидал, она была на замке. Печати сорваны не были.

Значит, злоумышленники, подобно Крячко, использовали для проникновения в дом окна. Гуров пошел вокруг дома, уверенный, что без труда обнаружит нужное окно, потому что вряд ли кто-то позаботился закрыть его. Он оказался совершенно прав. Зайдя с тыла, Гуров нашел не только нужное окно, но и, если можно так выразиться, приложение к нему. К стене была приставлена легкая, но прочная лестница. По ней ночные гости поднялись прямо на второй этаж и раскрыли окно, за которым, насколько помнил Гуров, находилась спальня.

Но это было еще не все. Гуров уже собирался проверить на прочность ступеньки приставной лестницы, как вдруг совсем рядом от стены отделилась высокая человеческая тень. Гуров замер на месте. Ему показалось, что его обнаружили.

Но, к счастью, все обстояло не так плохо. Мысли человека у стены были заняты кое-чем другим. Гуров увидел, как он поднес ко рту какой-то предмет, тускло мигающий красным огоньком, и механическим голосом пробормотал:

– Первый, Первый! Говорит Второй. Слышу подозрительный шум по ту сторону забора. По-моему, шаги. Какие распоряжения?

Он замолчал, вслушиваясь в тихие слова, которые несли к нему радиоволны. Наступившая тишина позволила Гурову сосредоточиться, и он тоже услышал этот самый подозрительный шум – кто-то медленно пробирался вокруг забора, время от времени наступая на сухие ветки, которые пощелкивали в тишине, как неторопливо разгорающийся костер.

«Что же вы топаете как слон, товарищ Крячко?! – с досадой подумал Гуров. – Эдак вы мне всех разбойников распугаете!»

«Разбойники» и в самом деле всполошились, но в конечном счете это сыграло на руку Гурову. Ответ «первого», видимо, давал «второму» полномочия самостоятельно разобраться в причинах подозрительного шума, потому что он, спрятав рацию, немедленно побежал в сторону забора. Бег его был легкий и бесшумный. Гуров невольно вспомнил вчерашнего «бомжа» – тот тоже был мастер бегать, да и не только бегать. Теперь интуиция подсказывала Гурову, что все эти ребята вышли из одной спортивной школы и с ними нужно держать ухо востро. Но именно по этой причине Гуров без колебаний устремился вслед за бегущим человеком – ему совсем не хотелось, чтобы этот ловкач застиг врасплох Стаса. Тот был крепким мужиком и не дураком подражаться, но призов на рингах он, как и Гуров, не брал, поэтому в возможной схватке он был явным аутсайдером.

Разумеется, Гуров не обольщался и насчет своего рейтинга. После вчерашнего бокса делать ставки на собственную победу следовало с осторожностью. Гуров посчитал, что подручные средства в такой момент не помешают. Оружие было при нем. Нагоняя незнакомца, Гуров извлек из-под куртки пистолет и сжал его в кулаке, не снимая с предохранителя.

Вдруг человек резко остановился и обернулся. Видимо, он что-то услышал или почувствовал. Гуров не стал тратить время на обычные среди цивилизованных людей ритуалы – не спрашивая незнакомца ни об имени, ни о целях его присутствия на чужой территории, он просто хорошенько двинул его пистолетом по темечку, прежде чем тот успел должным образом отреагировать на появление у себя за спиной вооруженного человека. Гуров не испытывал при этом никаких угрызений совести – ему хотелось думать, что под руку ему сейчас попался не кто иной, как вчерашний чемпион.

Так или иначе, но на этот раз нокаутом выиграл Гуров. Противник рухнул к его ногам как сноп, не успев даже крикнуть. Все прошло даже без особого шума. Но Гуров сначала предпочел удостовериться в том, что его выходка не привлекла постороннего внимания, а уже потом принялся за то, что на официальном языке называется личным досмотром.

К его удивлению, ничего, кроме портативной рации, у незнакомца не было. На нем вообще ничего лишнего не было. Человек был одет в черный вязаный костюм, сидевший на его мускулистой фигуре, что называется, в обlipку и делавший его немного похожим на пловца, практикующего на дальних дистанциях. Такой наряд явно предназначался для ночных вылазок. Он не стеснял движений и скрадывал очертания. Просто чудо, что Гурову удалось заметить этого человека раньше, чем он заметил Гурова.

Гуров был слегка разочарован. «Второй» был обезврежен, но пуст. Без долгой и тщательной беседы выяснить, что у него на уме, было невозможно. Но для бесед время было совершенно неподходящее. И оставлять его без присмотра тоже было неразумно. Гуров принялся соображать, как лучше поступить, и в этот момент со стороны забора послышался сдавленный голос:

– Лева! Ты здесь? А я здесь – на заборе!

Гуров присмотрелся – действительно, над забором торчала голова Крячко. Он держался за доски и, видимо, собирался перепрыгнуть во двор. Гуров поспешно поднялся и подошел ближе.

– Черт тебя дери! – сердито прошептал он. – От тебя шуму больше, чем от футбольных фанатов. Тебя уже засекли!

– Я так и понял, – деловито отозвался Крячко. – Я в дыру видел, как ты какого-то зомби завалил. Молодец, сравнял счет! А тут, между прочим, лестница. Стальная! Удобная штука. Вроде легкая, а меня выдерживает безо всяких...

Гуров подошел к забору вплотную. И в самом деле, с той стороны была переброшена лестница, которую принято называть веревочной, но на этот раз она была сделана из тонких стальных тросов. Перекладыны тоже были металлические. Видимо, наверху имелись крюки, фиксирующие лестницу на заборе, потому что держалась она на редкость крепко.

– Ладно, лезь сюда! – скомандовал Гуров. – В доме кто-то есть. Вошли через второй этаж. Тоже по лестнице. Сколько человек – неясно. Связь по рации. Тот, который тебя засек, сразу доложил наверх. Хорошо, он меня не заметил.

– Хорошо, – согласился Крячко, живо перебираясь через забор. – Плохо, что рано или поздно он очнется.

– Да вот не знаю, что с ним делать, – с досадой сказал Гуров. – Кроме пистолета, я ничего с собой не захватил.

– Ну, не переживай – я-то без наручников из дома не выхожу, – жизнерадостно сообщил Крячко. – Сейчас мы его притараним к березке...

Он покрутил головой и, обнаружив, что искал, – деревце, росшее в двух шагах от забора, – достал из кармана наручники. Вдвоем они подтащили вялое, но ужасно тяжелое тело к дереву, и Крячко надел на запястья человека наручники таким образом, что тот оказался как бы навеки обнимающим древесный ствол. Уйти отсюда он теперь мог только вместе с березой.

Но кое-что Гуров с Крячко все-таки упустили. Крячко еще возился с наручниками, а Гуров уже искал рацию, которую оставил на земле. Нашел он ее благодаря красному глазку, который светился под ногами, как выпавший из трубки уголек. Рация помалкивала, зато неожиданно подал голос пленник, который, оказывается, начинал постепенно приходить в себя. Надо отдать ему должное, он не скулил, не ахал и не пытался выяснить, кто так несправедливо с ним поступил. Едва очухавшись, он сразу же приступил к своим прежним обязанностям и диким криком поднял тревогу.

После этого Крячко от души ему врезал, заставив на какое-то время заткнуться, но толку от этого уже не было никакого, потому что сигнал тревоги наверняка слышали в доме.

– Кляп! – в сердцах сказал Гурову Крячко. – Хотя бы пучок листьев ему в рот нужно было засунуть. Прошлепали мы это дело, Лева!

– Теперь поздно об этом горевать, – сказал Гуров. – Что выросло, то выросло. Зато «языка», считай, взяли. Теперь думать о том нужно, чтобы как-то выцарапать тех, кто в доме засел.

– Тут, я думаю, проблем как раз не будет, – уверенно заявил Крячко. – Кто-то из нас делает вид, что хочет войти в дом, и тут им ничего не остается, как проделать обратный маневр. Они полезут наружу, а мы будем их здесь собирать, как падающие груши.

– План красивый, – одобрил Гуров. – Только дом очень большой. Ты случайно не знаешь, в каком именно месте они полезут наружу и сколько их примерно будет?

– Думаю, не очень много, – небрежно ответил Крячко. – Не в автобусе же они приехали? А ломанутся они именно сюда – к лестнице. Мимо нас они никак не пройдут. Дело верное.

– Твоими устами бы да мед пить, – озабоченно сказал Гуров. – Однако пока что-то не замечается, чтобы хотя бы один из них лез наружу.

– Потому что у них для этого нет мотивации, – заявил Крячко. – Знаешь, как охотятся на тарантулов? Льют в нору воду, пока тарантулу не станет тесно. Но у нас воды нет, поэтому придется самим.

– В таком случае карауль лестницу здесь, – распорядился Гуров. – А я займусь своей. И, пожалуйста, не спутай в темноте меня с каким-нибудь тарантулом.

– Да никогда в жизни, – заявил Крячко.

Гуров уже двинулся в сторону здания, к тому окну, под которым стояла приставная лестница, как вдруг с другой стороны дома вынырнула человеческая тень и, не особенно прячась, побежала к запертым воротам.

– Стоять! – тут же крикнул Гуров и дал предупредительный выстрел в воздух.

Тень метнулась в сторону и дальше уже двигалась зигзагами. Гуров махнул рукой Крячко.

– Будь начеку! – крикнул он и побежал вдогонку за удаляющейся тенью.

Неожиданно беглец нырнул в кусты сирени, росшие по периметру двора, и исчез. Гуров остановился, пытаясь понять, какой маневр собирается предпринять злоумышленник, но в этот момент у него за спиной опять раздался крик. Гуров резко обернулся.

– Ко мне! – изо всех сил напрягая глотку, орал тот, что был прикован к дереву. – Снимите браслеты! Сюда!

Гуров слышал, как Крячко посоветовал орущему заткнуться и тут же, в свою очередь, заорал кому-то: «Стой!» Потом он сорвался с места и куда-то побежал. Над двором хлестнул выстрел. Гуров с сожалением посмотрел на кусты, в которых растворился беглец, но все-таки счел долгом вернуться, чтобы помочь Крячко.

Он побежал назад, всматриваясь в сумрак и пытаясь понять, что же происходит возле дома. Их пленник, не останавливаясь, орал одно и то же: «Сюда! Ко мне!» – и в отчаянии тряс ствол, отчего дерево раскачивалось, будто попало под ураган.

«Силищи в тебе! – подумал про себя Гуров. – Эту бы силу да в мирных целях!»

Он подбежал к забору и почти сразу же столкнулся с возвращающимся Крячко. Тот был возбужден и озабочен.

– Черт, Лева! Ты кого-нибудь видел? Как сквозь землю провалился, гад! Я почти держал его в руках!.. И этот еще орет как резаный! Дождется, что я заткну ему глотку каким-нибудь поленом. Стой, вон он!

Крячко ткнул пальцем куда-то в сторону и тут же сорвался с места. Гуров никого не увидел, но на всякий случай пробежал несколько шагов, не желая оставлять друга в одиночестве. Крячко, однако, вдруг остановился и принялся растерянно озираться. Гуров подумал, что ноч-

ные гости не зря играют с ними в кошки-мышки и добром это вряд ли кончится. Следовало срочно менять тактику. Но тут краем уха он уловил у себя за спиной пружинистые шлепки подошв по мягкой земле, круто развернулся и буквально в десяти шагах увидел несущуюся к забору фигуру. Она тоже была идеально черной и идеально обтекаемой – сразу было видно, что действовала здесь настоящая команда.

– Вик! Браслеты! – уже почти в истерике орал прикованный.

Однако бегущий, не задерживаясь возле него ни секунды, вдруг взмахнул рукой, а потом будто нырнул под забор и пропал. Гуров услышал где-то под ногами странный шелчок и, не столько сообразив, сколько угадав, что происходит, с криком «Ложись!» упал на землю.

И едва он успел вжаться в эту сыроватую, пахнущую прелой листвой землю, как рядом грохнуло так, что в ушах не осталось ничего, кроме переливчатого звона. Пригоршня колючих камешков хлестнула его по голове и плечам. Это было чувствительно – Гурова словно огрели плетью. Но он не стал огорчаться. Когда рядом взрывается граната, ожидать следует чего угодно, и горсть камней в темя – это просто подарок судьбы.

Когда он понял, что второй гранаты не будет, то сразу же вскочил на ноги. Он не слышал и не видел Крячко и очень беспокоился, не случилось ли чего с другом. Но Стас почти сразу же выскочил из темноты, живой и здоровый, и схватил Гурова за плечо.

– Развели они нас, Лева! – сердито заорал он. – Сам видел – один через забор маханул, без всякой лестницы. И этот, который игрушку кинул, тоже наверняка ушел. Догонять надо!

– Подожди догонять, – остановил его Гуров. – Что-то наш «язык» подозрительно замолчал...

Охваченный недобрым предчувствием, Гуров шагнул к дереву. Прикованный к нему человек лежал, уткнувшись лицом в землю. Руки его судорожно обнимали древесный ствол. Он не двигался.

Гуров потряс пленника за плечи. Подошедший сзади Крячко наклонился и щелкнул зажигалкой. Слабый огонек высветил из темноты бледную щеку, сплошь залитую кровью. На земле вокруг тела тоже пузырилась свежая кровь.

– Ясно! – упавшим голосом сказал Гуров. – Граната специально для него предназначалась. Будь по-другому, лежали бы мы сейчас с тобой вот в таком же неприглядном виде... А так нас просто пугнули мимоходом.

– Я им пугну! – прорычал Крячко, бросаясь к забору.

Прежде чем Гуров успел его остановить, Стас уже поднимался по стальной лесенке. Через несколько секунд он перемахнул на другую сторону звонаревского участка. Гуров недовольно поморщился, но, не видя другого выхода, тоже полез через забор.

Оказавшись снаружи, они, не сговариваясь, бросились в рощу, но через несколько шагов остановились и стали прислушиваться.

– Здесь у нас практически нет шансов, – хмуро заключил Гуров. – Эти мерзавцы отлично тренированы, прекрасно маскируются, а главное, знают, куда бежать. А мы в отличие от них этого не знаем. Роща большая.

– Когда не знаешь, что делать, – мстительно сказал Крячко, – действуй наугад. Это самый продуктивный метод.

Чтобы подкрепить свои слова делом, он вытянул руку с зажатым в ней пистолетом и выстрелил в рощу. Где-то далеко несколько раз щелкнули сбитые пулей листья. Гуров и Крячко прислушались. Обоим временами казалось, будто они слышат в отдалении торопливые шаги и треск веток, но, скорее всего, это были обычные звуки ночного леса. Такие ловкие ребята, конечно же, должны были смыться, не оставляя следов.

– Ну, положим, следы они просто обязаны оставить! – размышляя вслух, сказал Гуров. – У нас их лестница, рация, труп, наконец!.. Еще, я думаю, стоит поискать место, где они оставили машину. Машин без следов, как известно, не бывает.

– Может, до утра подождем? – с сомнением спросил Крячко. – Темнотища ведь!
Он уже потерял весь энтузиазм и в погоню не рвался.

– В том-то и дело, что темнотища, – согласился Гуров. – Это же просто дураком надо быть, чтобы не взять с собой фонарик. Но я, честно говоря, на тебя надеялся.

– А я на тебя, – сказал Крячко. – Одним словом, где тонко, там и рвется.

– А место все-таки попробуем поискать, – упрямо сказал Гуров. – Сюда они уже точно не вернуться. А с машиной может что-нибудь случиться – не заведется, например, или в канаву угодит. Шансы невелики, но других у нас не осталось.

Они молча стали пробираться через рощу, полагаясь больше на удачу, чем на интуицию. Но в качестве основного направления Гуров выбрал ту часть рощи, которая выходила на Кольцевую автодорогу. Судя по всему, злоумышленники предпочитали заходить с тыла, потратив полчаса на лесную прогулку, зато не мозоля никому глаза на основной дороге, которая вела прямо в поселок.

Они уже довольно далеко отошли от дома, как вдруг Крячко, без конца вертевший по сторонам головой, остановился и схватил Гурова за руку.

– Оглянись, Лева! – сдавленным голосом сказал он.

Гуров повернулся и увидел, как сквозь черную паутину листвы угрожающе пульсируют оранжевые сполохи. Они то пропадали, то становились нестерпимо яркими, но неуклонно расплзались в разные стороны, захватывая все большее пространство.

– А ведь это, Лева, академик горит! – безнадежно заключил Крячко. – Как швед под Полтавой горит.

– Ах, мать твою!.. – в сердцах сплюнул Гуров. – Вот так попали, на ровном месте да мордой об асфальт! Действительно, развели нас, по полной программе развели!

– Говорил, не надо было от дома отходить! – с упреком произнес Крячко.

Гуров махнул рукой.

– Что в лоб, что по лбу, – заключил он. – Они дом подожгли, когда уходили. Это наверняка запланированный вариант. Вдвоем мы такую махину при всем желании не потушим.

Он постоял еще немного, глядя на разгорающееся пожарище, потом, не говоря ни слова, зашагал обратно к дому. Крячко пожал плечами, спрятал за пазуху пистолет и стал догонять друга.

Когда они подошли к забору, дом уже полыхал вовсю. Оба его этажа были охвачены огнем. Языки пламени с гудением рвались к черному небу. По двору сыпались искры, грозя поджечь подсобные постройки.

– Давай-ка, пока не поздно, сохраним хотя бы то, что у нас осталось, – сказал Гуров. – Придется выломать доски в заборе – иначе нам тела оттуда не вытащить. И не забудь отцепить лестницу. Тоже ведь улика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.